

Инициация

Каждое лето родители привозили Матвея в бабушкин деревенский дом. Они волновались и скучали, а бабушка и Матвей были спокойны и счастливы: вместе им всегда хорошо. Бабушка ответственно готовилась к приезду внука: в течение всего года отработывала новые рецепты, просматривала множество фильмов и выписывала в тетрадь названия лучших, покупала книги и складывала их в стопку у его кровати. Жизнь начиналась, как только уезжали родители: дом становился особенным, в нем мало что напоминало об обычной жизни, казалось, прочитанное в книгах и увиденное в кино переплеталось с деревенской действительностью и Матвею с бабушкой это нравилось.

В первый завтрак этого лета – уже без родителей, — бабушка решила поговорить о любви.

— Когда мне было десять, я собиралась замуж за индейца.

— Ты была знакома с индейцем?

— Мне нравился один, — бабушка задумчиво улыбнулась, — из фильма «В поисках капитана Гранта», это по книге Жюль Верна, ты же понял, да? Так вот я чувствовала, что это Он.

— Так это актер, исполняющий роль выдуманного персонажа?

Бабушка обеспокоенно посмотрела на Матвея.

— Я сейчас расстроюсь, что ты ничего не понимаешь из моих рассказов.

— Не-не, я понимаю, — Матвей заволновался, ему не хотелось лишаться таких странных разговоров, — так что помешало вам пожениться?

— Знаешь, иногда большую любовь не надо портить своим участием, — бабушка взглянула на Матвея, чтобы убедиться, что нужный эффект достигнут, и перешла к сути, — Кстати, там тебя ждет необыкновенно интересная книга про индейцев. Не знаю, дорос ли ты до нее... она кровавая, жестокая, так такие пытки описаны, — бабушка брезгливо передернула плечами, — наверно я все же ее заберу, рановато тебе ее...

— Нет! Все нормально, я взрослый!

Наспех доев сырники, Матвей бросился читать о кровавых пытках. Жизнь индейцев завладела всеми его мыслями, он пропустил обед, ужин съел впопыхах и снова уткнулся в книжку. До этого дня Матвей и не знал, что большего всего на свете он хотел бы жить в джунглях Южной Америки, рыбачить на Амазонке и стать молодым вождем. Но все это было недостижимо, ведь им не была пройдена инициация. Мальчики-индейцы проходили испытание на право называться мужчинами как раз в возрасте десяти лет, иногда чуть позже. Успешно пройденная инициация позволяла участвовать в голосованиях, жениться, и, самое приятное – считаться полноправным воином и охотником. Захлопнув книгу,

Матвей откинулся на подушку. Из открытого окна доносился стрекот светлячков, на первом этаже похрапывала бабушка. Мальчик не мог успокоить мысли в голове, его грудь сжимало от жгучего желания стать индейцем. Прямо сейчас! Хотя бы немного прочувствовать каково это. Матвей сел на кровати, свесил ноги. Он прекрасно понимал, что в общем-то он останется обычным мальчиком, закончится лето, его отправят обратно домой, он пойдет в четвертый класс, будет страдать на уроках и дважды в неделю драить квартиру как проигравший в карты матрос. Но это все – потом. Сейчас все еще можно оставаться в мире индейцев, и даже бабушка, дай Бог ей спать покрепче и подольше, не сможет удержать его дома этой ночью.

Матвей спустился с кровати и медленно пошел к лестнице на первый этаж. На порог комнаты наступать нельзя – скрипит. И вторая ступенька, и пятая, и вторая половица на первом этаже – именно под ней бабушка прячет от него сигареты – какое ребячество! В прихожей взял ветровку и штаны, кроссовок на обычном месте не было. Бабушка! Постирала! Теперь кроссовки болтаются на веревочке как сушеная хурма на южном рынке. Не босиком же проходить обряд инициации? Досада и злость накатили на Матвея, он практически зарычал, но сдержался. Все-таки выдержка – обязательное условие для прохождения инициации. Мальчик взял себя в руки и вернулся в спальню. Ничего, ничего.

Утром Матвей проснулся от запаха блинчиков. Это хорошо – перед инициацией необходимо полноценное питание, он же ну точно не относился бы к тем племенам, где юноши должны были поститься. Матвей понимал, что голод – не его история, да и вообще, что это за дикарские обычаи.

— Доброе утро, котенок мой!

— Ба, давай без этого вот!

— Как ты спал?

— Хорошо. А ты зачем мои кроссовки постирала?

— Ты про те комки грязи с прихожей? Они нечаянно упали в ведро с водой, и я обнаружила, что это кроссовки. Вот и постирала.

— А в чем мне ходить?

— У тебя еще две пары стоят в шкафу.

— Да, я забыл.

«Идиот! Ну, натурально идиот! Как можно было забыть про другие кроссовки?» — Матвей ругал себя почем зря. Бабушка пила кофе и смотрела на сморщенное от злости лицо внука. Она уже привыкла, что утром Матвей кислый, как неспелое киви.

— Как тебе книжка?

— Круто!

— Круто?

— Круто!

Бабушка вздохнула.

— Круто как высокий берег Волги? Как поворот на Формуле-1? Как долго кипящее яйцо?

— Круто до бессонницы и умопомрачения, до жгучего желания родиться двести лет назад и на другом полушарии!

— Понимаю. Это — понимаю.

До наступления ночи был целый день, а Матвей знал, что есть два проверенных метода ускорить течение времени: сон, но спать не хотелось, и дела, так что было решено загрузить себя работой, а для этого требовалось провести ритуальный диалог с бабушкой. Матвей спросит, чем помочь, бабушка будет отпираться, но недолго, это была обычная игра, хорошо знакомая обеим сторонам:

— Ба, чем помочь?

— Да ничем.

— Я правда хочу.

— Лучшая помощь – не мешай.

— Ты что, не воспринимаешь меня всерьез?

— Воспринимаю, Матвей. Полей все кусты. Под каждый куст – ведро.

Пять кутов крыжовника, семь смородины, целый забор малины и всеми забытый куст ежевики у черта на рогах. Вылил двадцать пять ведер, устал, выпил пол-литра воды и съел три бутерброда. На часах полдень. Всего полдень! Еще целых двенадцать часов ждать! Матвей завалился на кровать, закрыл глаза, пытался считать овец, думал о скучном и считал до ста сто раз. Сон не шел. Придется снова просить помощи у бабушки.

— Ба, чем помочь?

— А кусты полил?

— Полил.

— Спасибо! Отдохни!

— Я еще хочу помочь.

— Котенок, спасибо, я сама дальше.

— Ты опять со мной так?

— Сад полей.

— Ба, ну там из шланга, скучно, это ты сама.

— Тогда иди вскопай приствольные круги у молодых саженцев, мне будет лучше поливать.

Матвей знал, что перекапывать грунт непросто. Лопата тяжелая, солнце печет. Бабушка требует нацепить панаму, но Матвей – индеец стойкий, перекопал четыре дерева гордо без панамы. Потом голова стала кружиться, и он решил все-таки ее прикрыть, ведь обидно свалиться за несколько часов до инициации.

К двум он пришел домой – вымотанный, потный, пыльный.

— Может на озеро сгоняешь? Позови ребят.

— Да, поеду.

Матвей запрыгнул на велосипед и поехал к друзьям.

— Эй, Горчаковы, давайте на озеро?

Из окна выглянуло три кудрявые головы.

— А у нас обед.

— А мы обедаем.

— А у нас окрошка.

Марина, Алина и Андрей были погодками. Там, куда они приходили, всегда становилось весело, шумно, тесно и многолюдно. Горчаковы – хорошие друзья Матвея и отличная компания для коротания лета, к тому же Марина и Алина были очень красивыми и, Матвею казалось, что ему нравятся сразу обе. Ну а Андрей был естественным приложением к сестрам, а так как мама Горчакова была учителем русского языка и литературы, за Андреем быстро утвердилось прозвище – Суффикс.

— Ну вы быстро доедайте и поехали. Я подожду.

— Хорошо. Может ты тоже хочешь?

Матвей ни на минуту не забывал, что индейцу требуется полноценное питание, а так как окрошка – кладезь витаминов и микроэлементов, он не раздумывая согласился и очень гордился своей рассудительностью и верностью идее.

Так как всем не терпелось прыгнуть в прохладную воду, окрошка была съедена со скоростью звука – звука бьющейся по тарелке ложки. Запрыгнув на велосипеды, обгоняя и подрезая друг друга, четверка стремительно полетела по лесной дороге к озеру.

Матвей был в тисках обстоятельств – он должен был прийти первым, ни один индейский мальчик не позволил бы девчонкам его обогнать, а Суффиксу вот-вот исполнится восемь, так что он мелочь и не в счет. Марина была немного старше Матвея и

гораздо прогрессивнее во взглядах. Она всем заявляла, что она – феминистка и нет того, что мальчик делал бы лучше, чем она только потому, что он — мальчик. Так что, заметив, что Матвей рванул вперед, она нагнулась к рулю, сжала губы, и стала крутить педали как заведенная. Алина знала особенности своей компании, так что закатила глаза, вздохнула, крикнула соперникам: «Психи!» и быстро, но спокойно ехала рядом со старающимся, но отстающим от лидеров Суффиксом.

Матвей чувствовал, что Марина его догоняет, вот она уже сбоку – с горки ехать легко, грейдированная лесная дорога идеальна для велогонок. Сердце колотилось, Марине было тяжело, она покраснелась и, видимо, устала, так что решила действовать иначе: обезвредить соперника морально.

— Что, волнуешься, когда я рядом?

Матвей вспыхнул и ликовал, что он был и без того красным от жары и быстрой езды.

— С чего это?

— А если я еще ближе прижмусь?

Марина стала подталкивать Матвея к обочине, он нервничал, а девчонка, казалось, этим наслаждается. И вот колесо попало в песчаную колею у самого края дороги, Матвей потерял управление и полетел в кювет. Марина звонко рассмеялась и, уезжая, крикнула:

— Вот наш индеец и слетел с Олимпа.

— Дура! Олимп у греков!

Марина, не оборачиваясь, показала ему красивый средний палец с оранжевым ногтем. Алина и Суффикс остановились.

— Тебе помочь?

— Нет, Суффикс, не надо, я сам, — Матвей встал, поднял велосипед, и обратился к Алине:

— Все вы такие?

— Поживешь — узнаешь.

Сегодня Алина была гораздо красивее Марины.

На озере война продолжилась. Матвей решил великодушно не усугублять конфликт, был галантен с Алиной и смотрел на Марину печальными и мудрыми глазами. Но Марина не хотела играть по такому сценарию, так что продолжала его подкалывать, вскоре Матвей погряз в этой перебранке до самых ушей:

— Алина, давай я помогу тебе зайти в озеро?

— Чего? – Алина смотрела на него как на говорящий пень, — мы тут купаемся каждый день, что это за пируэт?

— Помоги мне, — встряла Марина.

— А тебе уже не помочь, — многозначительно ответил Матвей.

— Силенок маловато?

— Тебя строительным краном надо в озеро опускать.

Пухленькая красавица Марина вспыхнула.

— Чурбан! Тебе место с твоими индейцами! Ты доисторическое животное!

— Откровенно говоря, индейцы...

— Да мне наплевать! Ты ничего не знаешь о чувствах других! Об их правах и свободах!

— Это я-то?

Алина и Суффикс устало смотрели на перебранку. Они были опытные, подготовленные и мысленно поженившиеся Марину и Матвея.

Спустя пять минут Матвей и Марина бегали по пояс в воде с проклятиями и клятвами утопить друг друга. Вдоволь наплававшись, Алина и Суффикс вытянули из воды уставшую сестру и уехали домой. Матвей остался стоять в озере — опустошенный и счастливый. Пришла пора ехать домой.

Дорога казалась бесконечной: ехать в горку после озера и садовых подвигов было очень сложно. Несколько раз Матвею казалось, что он умирает. Ноги были ватными, сердце стучало, в висках пульсировало, во рту было сухо и горько, перед глазами темнело. Иногда он слезал с велосипеда и катил его рядом за руль. «Это подготовка...это подготовка к инициации. Ничего, пройду» — Матвей повторял себе эти слова, и лишь урчание живота прерывала его мантру.

Чудом дойдя до дома, увидел на участке бабушку.

— Матюша, а ты чего пешком? Какая ссадина у тебя! Ты упал?

— Упал.

— Нога болит?

— Нет, я в порядке.

— А почему тогда ты идешь, а не едешь?

— Устал.

— Бедный мой, — бабушка прижала к себе Матвея и поцеловала в макушку. От нее пахло духами и выпечкой.

— Ба, а что на ужин у нас?

— Я картошки нажарила целую сковородку, треску запекла. Хлеб еще теплый, кстати. Намазать маслом тебе?

— Да, я все буду.

— Огурцы солью посыпать?

— Да.

— Мой руки, жду тебя на кухне.

Сегодня был самый вкусный ужин за всю жизнь Матвея. Он съел все, что мог. Пошел в комнату, чтобы бабушка скорее легла спать. Упал на кровать немного почитать и подготовиться, но, разморенный трудом, солнцем, Мариной и ужином, случайно заснул.

Луч солнца упал прямо на глаза, Матвей перевернулся на другой бок, но осознание содеянного заставило его подскочить на месте. Проспал! Инициацию! Да как такое возможно? Он сел на кровати, схватился за волосы так, что стало больно, и зарычал от злости на себя.

— Доброе утро, Матюша! – на первом этаже бабушка услышала рык, — Ты, видимо, не выспался?

— Доброе утро, — Матвей пытался держать себя в руках, ведь бабушка точно не виновата, — я нормально, сейчас спущусь.

Вставать с кровати было больно, всем мышцы ныли, Матвей подумал, что это само по себе уже – инициация. Шагая по лестнице как Железный Дровосек – не сгибая руки и ноги, он увидел свое отражение в зеркале. Ссадина тянулась через весь лоб, комар укусил под глаз, плечи обгорели, да и движения... «Да... я прямо надежда всего индейского народа» — иронично подумал Матвей.

— Какие планы на сегодня?

— Да ничего особенного, бабуль. Чем помочь?

— Как всегда – не мешай мне.

Матвей сурово посмотрел на бабушку, та рассмеялась и попросила пропылесосить дом.

Сегодня Матвей себя берег. «Нужно трезво оценивать свои силы, — думал он, — не то признают не индейцем, а бараном». До обеда он пропылесосил, повалялся в гамаке, несколько раз позавтракал, поболтал с бабушкой и был вполне доволен собой. Но тут умиротворение прервал звонкий голос:

— Выходи.

Марина! Марина пришла. Матвей почувствовал, как накатывает волнение, он ловко вскочил на ноги, совсем забыв, что сегодня они не гнутся.

— Привет!

— Я по делу, — строго ответила Марина, — я пришла сказать, что зря вчера к тебе прицепилась и отправила в кювет. Это была нечестная борьба.

— Никуда ты меня не отправляла.

— Ты свою рожу видел? Вон, весь поцарапанный. Я в этом виновата в общем-то.

— Моя рожа ни о чем не переживает. Упал и упал. С тобой это не связано.

— Ты даже извинения принять нормально не можешь.

— Ну ты еще заплачь давай.

И тут случилось то, что в планы Матвея не входило — она заплакала. Отвернулась и заплакала.

— Эй, Марин, я не хотел.

— Знаешь что, да ты вообще! Да ну тебя!

— Марин, ну чего ты? Я перегнул, ты извини.

Но Марина снова показала ему красивый средний палец уже с фиолетовым ногтем и продефилировала домой. «Пришла, испортила настроение, ушла. И кто виноват? Я! Человек с извинениями пришел, а тут такое!» — Матвей злился, все падало из рук. Единственное, что могло помочь — книга. Так что Матвей засел на второй этаж и принялся за чтение. «Не буду даже думать об этом, есть вещи посерьезнее и поинтереснее». И тут Матвей понял, что идти проходить инициацию он готов, но в чем она будет заключаться-то? Не слоняться же просто так вокруг деревни, в этом героизма мало. Решение пришло быстро — прямиком со страниц книжки:

«В перчатку, сплетенную из веток и листьев, помещали как можно больше муравьев, и эту конструкцию надевали мальчику на руку на десять минут. Способность вытерпеть боль, сдерживать крик, слезы, и быстро оправиться после укусов муравьев говорила о том, что мальчик превратился в мужчину и может считаться полноправным членом общества, воином».

Бабушка легла, на улице стемнело. Матвей встал с кровати, на порог комнаты не наступил, пропустил вторую и пятую ступеньку, перешагнул через вторую половицу на первом этаже. Заглянул на кухню, схватил прихватку-рукавичку, в прихожей взял ветровку и кроссовки и ниндзей выскочил на крыльцо. Одевшись, он спокойно и быстро пошел к ближайшему большому муравейнику, в голове было пусто. И вот, стоя на краю леса у березы и глядя на огромный спящий конус муравьиной империи, Матвей подумал — «Зачем? Зачем это?». Но отступать сейчас было стыдно перед самим собой, поэтому Матвей отмахнулся от собственных вопросов, вывернул рукавичку наизнанку, надел ее на руку, ногой сбил верхний слой муравейника и рукой в вывернутой прихватке быстро схватил часть муравейника, стараясь взять побольше и поглубже. Быстро снова вывернул рукавичку и вот — у него в руках варезка, полная злых, разбуженных красных муравьев.

На секунду Матвей задумался: вот опустит он туда руку, выдержит, рука опухнет и покраснеет, возможно, начнется аллергия, как он объяснит бабушке свое поведение? Она

точно спросит, не сошел ли Матвей с ума, не впал ли в детство и не стал ли наркоманом. И как тут объяснить? Матвей почувствовал, что аргументов «против» инициации снова становится больше, а сразу за этим он ощутил, как все его тело начинает больно колоть. Муравьи! Они врассыпную бежали из варежки, заползали под рукава, кусали Матвея по всему своему пути. А снизу – по кроссовкам, штанам, под штанами бегали растревоженные защитники большого муравейника.

Матвей отбросил варежку и стал, подпрыгивая, убивать на себе насекомых. Они были везде! Везде! Он бил себя по рукам, ногам, спине, голове, но муравьи расползались и прятались под одеждой. Матвей судорожно стал раздеваться – он ругался и взвизгивал, прыгал то на одной ноге, то на другой. Казалось, прошла целая вечность, пока Матвей смог прекратить свой бешеный танец. Он успокоился и понял, как выглядит со стороны – голый, визжащий, стоящий на краю леса у развороченного муравейника. «Позор... какой позор» — Матвей встряхивал одежду и наспех одевался, — «инициация...даже сказать кому-то стыдно...позор». Он обиженно глянул на муравейник, поднял брошенную муравьями и им прихватку, и пошел домой.

«Хоть Марина этого не видела», — думал он по дороге домой. А потом ему стало так смешно от своего поступка, — «Инициация. Дурак я... стал мужчиной и теперь могу жениться... хорошо, что Марина тоже дура, мы просто созданы друг для друга». Матвей расхохотался и с разбегу прыгнул на свою кровать. Он спал сладко. Снилось ему Марина.